

Кучерова, Л. Афганские будни полковника Шейко-Кошубы / Л. Кучерова // Военная контрразведка Беларуси : Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надтачаев ; рис.: В. А. Ляхор ; фот.: А. В. Стрех, В. Н. Надтачаев. — Минск : Кавалер, 2008. — С. 280—293.

АФГАНСКИЕ БУДНИ ПОЛКОВНИКА ШЕЙКО-КОШУБЫ

– Рабочий день у нас с семи утра и до двадцати двух часов, – сурово сказал начальник особого отдела 40-й армии генерал-майор Михаил Овсеенко вновь прибывшему на должность начальника особого отдела 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии офицеру. – Но учитывая, что вы только что прилетели из Союза и еще довольно свежи, – то для вас он будет начинаться на час раньше, а заканчиваться соответственно на час позже. Времени на раскачку нет. На прием дел даю три дня. И еще три на вхождение в обстановку. Через неделю спрос будет такой, как будто отработали здесь несколько лет. Если не имеете вопросов – изучайте документы, знакомьтесь с обстановкой.

Овсеенко ни с кем и никогда особо не церемонился: крут, требователен, профессионален. Но этим полковника Кошуба было не напугать. Он сам относился к той когорте руководителей, для кого дело было превыше всего, и характера ему было не занимать.

– Сработаемся, – подумал он, выходя из кабинета.

...День для Кошуба тянулся мучительно долго. Документы изучались с большим трудом. Голова налилась тяжелым свинцом, веки то и дело самым предательским образом норовили закрыться, мысли путались.

Сказывались предшествующие трое суток без сна, проведенные в Ташкенте, где проходил завершающий этап подготовки перед вылетом в Кабул. Днем знакомился с документами и обстановкой, проходил последние инструктажи. Ночами же, не смыкая глаз, изнывал от непривычной и потому особенно мучительной духоты – кондиционеры в гостиничных номерах считались излишней роскошью. И это несмотря на то, что за окном было сорок пять градусов выше нуля. В отчаянии Кошуба даже открывал двери холодильника, но толку от этого ноу-хау было мало... Потому в первую на афганской земле ночь, едва добравшись до постели, он моментально провалился в сон.

«Афган» захватил полковника Виктора Кошуба еще задолго до того, как в июле 86-го колеса Ил-76 «поцеловали» раскаленную бетонку кабульского аэропорта. В глубине души ему всегда хотелось проверить себя на прочность в реальных боевых условиях.

Вот и Кабул. Выгоревшая форма. Выгоревшее небо. Вооруженные люди. Суэта. Все здесь было ему близко по духу, соответствовало внутреннему настроению, вызывало интерес. Он сразу и целиком принял новую, окружавшую его реальность. Принял, не задумываясь ни об опасностях, ни о трудностях, ни о том, что может навсегда остаться в этой чужой, пропитанной толстым слоем мукообразной пыли стране.

Был еще один момент, который не мог оставить Кошуба равнодушным. За годы службы в органах военной контрразведки ему приходилось осуществлять оперативное обеспечение частей и подразделений различных родов войск: мотострелков, артиллерии, авиации, танковых и

ракетных войск. Но ближе всего ему по духу были десантники. Крылатая пехота! Сила, кураж, напор! Лихие и отчаянные люди, прямо с небес врываются в самое пекло боя!..

Любовь эта была давняя, с самого детства. Не случайно в 16 лет Виктор уже имел в своем активе два парашютных прыжка с самолета Ан-2. В зрелые годы, будучи уже сотрудником военной контрразведки, он вплотную приблизился к своей давней мечте, отслужив четыре года в воздушно-десантной дивизии. Это были самые незабываемые яркие дни его доафганской жизни! И вновь, к большому удовольствию Кошуба, ему выпала возможность окунуться в эту неповторимую атмосферу...

Особый отдел 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии был довольно большим. Поначалу он насчитывал 19 человек. Затем приехало еще четверо. Знакомство с сотрудниками прошло по-будничному просто.

Незаметно пролетела неделя, отведенная на прием дел и должности.

Предшественнику Кошуба полковнику Ярошку пришло время возвращаться в Союз. Провожали его как положено, соблюдая старые офицерские традиции... Тостующие, отмечая достоинства виновника застолья, неоднократно высказывали пожелание, чтобы преемник был примерно таким же. Кошуба слушал все это молча. Не проронил он ни слова, когда эту же мысль озвучил и командир дивизии, которым в то время был генерал Павел Грачев. Наконец очередь говорить дошла и до него.

– Мои личные и деловые качества формировались не сегодня и не вчера. Поэтому ни на кого походить я не буду – останусь самим собой, – все молча переглянулись, однако новый начальник отдела, не обращая на это внимания, продолжил: – Как законопослушный человек вступать в противоречие с законом не буду и никому делать этого не советую. Попустительствовать не стану.

В комнате на какое-то время воцарилось молчание.

Суров мужик. Так начались рабочие будни. Несмотря на внешнюю непреклонность, Кошуба всегда был открыт для обмена интересным и полезным опытом, накопленным сотрудниками отдела. От каждого из них он старался взять лучшее. Это лучшее трансформировалось в других, в результате чего происходило взаимное обогащение оперативным мастерством, что весьма плодотворно сказывалось на общем деле. Как говорил популярный политический лидер того периода, «процесс пошел».

Обычные дни. Обычная боевая работа подразделений. 103-я гвардейская дивизия контролировала территорию Кабула и его окрестности: 317-й парашютно-десантный полк практически в полном составе и по одному батальону от 357-го и 350-го парашютно-десантных полков стояли на заставах вокруг афганской столицы.

Не раз десанникам приходилось выступать в роли «скорой помощи». Зажмут «духи» пехоту в горах – командующий бросает подразделения дивизии на выручку. Разобьют колонну техники – десантники летят на помощь.

А кто еще, как не они: мобильны, отлично подготовлены, физически выносливы. Десантники во все времена были, есть и будут оставаться элитой вооруженных сил любого государства. Воевать приходилось часто и жестко: выбрасывали десант на горы, проводили зачистку тех мест, где были замечены или по данным разведки должны были находиться бандформирования.

Именно поэтому на одном из первых совещаний, проводимых им в качестве начальника отдела, Кошуба безапелляционно заявил:

– Я прекрасно понимаю, что на данный момент вы владеете ситуацией лучше меня. Но существует одно правило, которое обсуждению не подлежит. Если подразделение идет на боевые, то с ним обязательно выходит наш работник. На местах никто отсиживаться не будет. Планы проведения мероприятий перед каждым выходом представлять мне лично.

Кому-то такая категоричность показалась излишней. Оперативный состав в отделе был самый разный по возрасту, уровню подготовки и характеру. Те же, кто прослужил здесь полтора-два года и постоянно выезжал на боевые, не были лишены определенных амбиций.

– Вот вы тут о боевых операциях говорите, а сами-то даже представления об этом не имеете, – последовало мягкое, но довольно хлесткое замечание. В воздухе повисла напряженная пауза. Все ждали, как новый начальник отреагирует на этот выпад.

– Завтра как раз и узнаю. Дивизия выходит на операцию, и я пойду вместе со всеми. Там и разберемся, – без малейшего колебания ответил он.

После совещания к Кошуба подошел его заместитель Аксенов.

– Вы бы не спешили с выходом-то. Здесь же высокогорье. Вам адаптироваться вначале надо... – Вот прямо завтра и начну. Вопрос закрыт.

Канун проведения боевой операции для оперативного состава – самое горячее время. Для обеспечения боевых выходов подключались все силы и средства как советской военной контрразведки, так и афганской. Главным было не допустить утечку информации, а для того, чтобы предотвратить концентрацию бандформирований на пути выдвижения и увести их в другой район, могли и дезинформацию запустить.

Во время проведения боевых операций «особисты» отслеживали захват новых видов вооружения, средств связи душманов. Особое внимание уделялось документации.

Сегодня некоторые ставят под сомнение наличие в бандформированиях детального протоколирования всех проведенных диверсий и агентов, их совершивших. В доказательство приводят целый ряд логических умозаключений. Однако логика здесь абсолютно ни при чем. То, что душманы самым тщательным образом фиксировали все свои «подвиги», – жизненный факт, который существовал вне зависимости от того, считает это кто-то возможным или нет. А факты – вещь упрямая. Иногда они существуют в нарушение всякой логики. И тотальная безграмотность населения не была этому помехой. Заокеанских спонсоров – вдохновителей той кровавой бойни, именуемой сегодня освободительным движением афганского народа, такие отговорки устраивали мало. Они требовали подробнейшего отчета за каждый израсходованный цент...

В тот первый и потому особенно запомнившийся выход перед десантниками стояла бесхитростная и уже ставшая привычной задача – обеспечить проход колонн через «зеленку» в провинции Лагар. В этом островке сочной зелени таилась незримая смерть. Она кралась за нашими ребятами между стволами и ветками, скрывалась среди листвы, выжидала в засаде с одной-единственной целью – поразить тех, кого злой рок бросил в перекрестие ее прицелов...

Выход длился трое суток. К месту проведения операции ехали километров двадцать. Дорога петляла по угрюмым, настороженным ущельям. Мимо проплывали враждебные, испещренные веками скалы, скрывавшие в своих расщелинах наблюдательные посты душманов.

Эти гордые, непокоренные никем вершины становились их сообщниками и вели свою молчаливую войну с «шурави». Все в этой чужой и дикой стране оцетинилось против них. Даже природа.

...«Зеленку» обстреливали и днем, и ночью. По ночам в основном работал «Град». От вспышек света становилось светло как днем. Буйная пляска огненного смерча завораживала своей неистовой красотой. Днем же Кошуба знакомился с людьми, расположением близлежащих застав.

Одна из них находилась в горах, метров на триста выше того места, где обосновывались прибывшие на боевые действия гвардейцы. Взяв в попутчики опера, курировавшего этот объект, и начальника политотдела, Кошуба отправился на заставу. На полпути грудь сдавил резкий спазм. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. В глазах потемнело. Нечто похожее испытал и политработник: продолжать путь не было сил, и он решил вернуться. Начальник особого отдела такую роскошь позволить себе не мог. Показать слабость при подчиненном?! На за что! Преодолевая себя, он, с трудом скрывая недомогание, поднялся на заставу. Все посмотрел, изучил, проверил и только после этого вернулся в лагерь.

По возвращении на базу Кошуба внимательно ознакомился с делами, находившимися в производстве, и, к своему удивлению, обнаружил полное отсутствие в отделе работы по ближайшему окружению. Как следствие – пробелы в получении своевременной, объективной и упреждающей информации о планах душманов.

Из разговоров с сотрудниками выяснилось, что это направление работы полностью взял на себя специальный 3-й отдел в аппарате армии. Такое положение дел Кошуба не устраивало в корне. Дивизия располагалась в эпицентре активности иностранных спецслужб. Все важные объекты в городе – предприятия, учебные и медицинские учреждения, аэродром, министерство обороны Афганистана, станции телевидения и радиовещания – охранялись десантниками 103-й гвардейской ВДД. Плюс пятьдесят шесть постов вокруг столицы, находившихся на самых высоких точках. Постоянные ежедневные контакты с представителями местного населения. И кто мог поручиться, что среди них не было агентов бандформирований и иностранных разведок?..

Вопрос подняли на уровне армии. Новоиспеченному начальнику отдела порекомендовали строить работу исходя из внутренних позиций, т.е. опираясь на информацию, полученную только от военнослужащих.

– Не берите на себя слишком много. Ваша задача – не допустить их захвата или измены Родине. Со спецслужбами есть кому работать и без вас, – сказали ему.

Однако Кошуба считал, что этого явно недостаточно. Как можно проводить контрразведывательные мероприятия, не зная конкретных устремлений противника?! Поэтому работу направления он организовал, исходя из объективных потребностей и своих представлений о целесообразности.

Несмотря на то, что в штате отдела имелась должность «работник по окружению», до этого его использовали только как переводчика. Функции толмача исправно исполнял молодой офицер Сапаралиев. Приезд нового «окруженца» пришелся очень кстати – новое дело легче начинать с людьми, не обремененными старыми стереотипами. Махмуд Дададжанов, сотрудник таджикского КГБ, как нельзя лучше соответствовал этой цели: свободно владел местными языками, прекрасно ориентировался в традициях, обычаях и нравах афганцев. В свете предстоящих событий это было очень важно.

Наладить работу в окружении оказалось нелегким делом. Для этого понадобились усилия очень многих людей.

С помощью советников Кошуба вышел на начальников УВКР Афганистана генерал-полковника Хисамуддина и его заместителя Хандана. Проехал по афганским особым отделам, познакомился с сотрудниками ХАДа, состыковал с ними своих сотрудников с отделами афганских подразделений, которые взаимодействовали со 103-й гвардейской дивизией во время проведения совместных боевых выходов. К счастью, со многими советниками, курирующими особые отделы ХАДа, Кошуба был хорошо знаком лично по совместной службе в особом отделе Одесского военного округа, что весьма благотворно сказалось на организации работы в окружении.

Работа пошла.

Как следствие – начала поступать информация об интересе, проявляемом к советским войскам, их планам и непосредственно к военнослужащим. В конечном итоге появились свои постоянные источники информации из числа местного населения. Речь шла не только о забитых, ковыряющих мотыгой сухую землю дехканах и отчаявшейся справиться с навалившейся нищетой городской бедноте.

На контакт с советскими контрразведчиками шли люди, занимавшие определенное положение в высших государственных структурах Афганистана, в том числе и в Министерстве обороны. Основное внимание было обращено на тех из них, кто учился в советских вузов и владел русским языком.

Приобретались источники и среди членов бандформирований. Полученная от них информация имела особое значение и спасла не одну солдатскую жизнь.

Какие причины побуждали афганцев идти на контакт с «шурави»? В основном, материальная заинтересованность. Идейных борцов с мировым империализмом было мало. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что встречались и такие.

Нищета царила в стране чудовищная. За мешок муки люди были готовы на многое. В голодном Афганистане продукты питания стали очень ходовой валютой. Но иногда приходилось расплачиваться и деньгами. Любая информация чего-то стоила. И для этих целей выделялись определенные суммы. В результате все оставались довольны.

Среди моджахедов материальный стимул также играл не последнюю роль. Война превратилась для населения в своеобразный бизнес, а лояльность стала предметом купли-продажи. Сегодня правоверный заложит на дороге мину и получит за это деньги от душманов, а завтра за более выгодное предложение он, без малейшего сожаления, сдаст своих собратьев по вере «шурави». Да еще станет самым преданным нашим «дустом», пока кто-то не предложил ему еще большие деньги. Восток! Там покупается и продается все. Даже душа. И если кто-то остался неподкупен, значит, вы просто не назвали приемлемую сумму...

Тесное взаимодействие с сотрудниками военной контрразведки Афганистана в немалой степени способствовало повышению эффективности работы отдела. В ХАДе имелась довольно полная информация о бандформированиях и их агентуре. Вся добытая в ходе проведения боевых операций душманская документация самым тщательным образом анализировалась и ставилась на учет. Поэтому очень часто на запросы советских контрразведчиков приходила достаточно подробная оперативная информация о людях, попавших в их поле зрения.

Как-то в разработку был взят один духанщик, проявлявший повышенный интерес ко всему, что происходило в дивизии: как организована служба, как налажены системы охраны и проверок, кто начальник, кто и откуда приезжает, кто и куда уезжает.

Простым любопытством дело не ограничилось. Через какое-то время он стал «обрабатывать» одного нашего военнослужащего. Действовал по традиционной для данного случая схеме: вначале пытался «прикармливать», потом недвусмысленно намекать и исподволь агитировать – вербовочный подход налицо. Душевную беседу с ним записали на диктофон, задокументировали и отправили запрос афганским коллегам. Ответ не заставил себя долго ждать. «Интересующее вас лицо является агентом Ахмад Шаха Масуда... Направлен в Кабул для проведения вербовочных операций в отношении советских граждан...»

То, что духанщики занимались разведывательной и вербовочной деятельностью, в Афганистане было делом обычным. Лучшее прикрытие найти трудно. Во-первых, военнослужащие сами к ним шли. Во-вторых, работа не пыльная и очень прибыльная. В военторгах и выбор не тот, и цены «кусались». Да еще и «духи» за информацию платили щедро, не скупясь. Абсолютно беспроегрышный вариант!

Начавшееся же вокруг оживление не заметить было просто невозможно. Забежали к тебе несколько военных починить обувь или продукты оптом закупают – знать, скоро выход. Тут уж не зевай, шевели ушами: заводи разговор и вроде как бы между прочим спроси: «Что это вдруг все засуетились, и куда спешит уважаемый покупатель?» Если везло и попадались разговорчивые собеседники, то все самое интересное узнавалось, не выходя из-за прилавка, так сказать без отрыва от производства. Иногда счастье улыбалось во весь рот и полезные сведения они черпали из разговора вошедших «шурави». Не открыв рта, не проронив ни слова и практически не приложив никаких усилий, получали цепные сведения для своих донесений, щедро оплачиваемые «работодателями».

Одной из наиболее важных задач военной контрразведки было предотвращение измены Родины и дезертирства. Спрашивали за это строго. Работы было много. Там, «за речкой», советским войскам противостояла мощнейшая профессионально работающая контрпропагандистская машина. Фактически речь шла о настоящей идеологической войне. Только оружие, используемое на ней, убивало не физически. Оно поражало мировоззрение людей, разворачивало его на сто восемьдесят градусов, выворачивало наизнанку душу, било по самым тонким и наиболее чувствительным ее струнам.

Весь радиозфир был напигован разноголосыми русскоязычными вещателями, рассказывающими о сказочной жизни тех, кто принял ислам: виллы, жены, деньги. Тем, кто последует их примеру, сулили золотые горы, райские удовольствия и безбедное существование. Многие из этого имело под собой реальную почву. И солдаты прекрасно знали об этом. Особую ставку противник делал на военнослужащих мусульманских национальностей.

Помимо радиовещания на русском языке и языках среднеазиатского региона советским солдатам то и дело подкидывали аудиозаписи, листовки и фальшивые экземпляры газеты «Красная звезда», причем подобная «наглядная агитация» была не какого-нибудь самиздатовского качества со спотыкающимися суффиксами и окончаниями, а печаталась на современном полиграфическом оборудовании и на чистом литературном языке. За всем этим явственно просматривались большие деньги деятелей из Вашингтона, Исламабада, Эр-Рияда.

Поэтому очень важно было иметь подробную и своевременную информацию о морально-психологическом климате в курируемых частях. Большую помощь в этом вопросе оказывали командиры и политработники. Помимо этого контрразведка на наиболее важных участках располагала собственными возможностями.

Обеспечение конспирации в работе являлось первостепенным условием. Вся жизнь на виду. Очень важно было не подставить людей. А для этого приходилось быть изобретательным.

В руки Кошуба стекалась вся информация по дивизии и окружению. Его цепкая память четко фиксировала и заносила в свои ячейки фамилии всех тех, кто находился под особым вниманием контрразведки.

Очень часто командиры частей и подразделений строили свои отношения с оперативным составом с оглядкой на взаимоотношения командира дивизии с начальником особого отдела. У Виктора Кашуба и Павла Грачева сложились на редкость теплые и конструктивные отношения. Два года они бок о бок воевали вместе в различных провинциях Афганистана, неоднократно попадая под оружейный и ракетный обстрел духов. Перед каждым боевым выходом Грачев проводил совещание, на котором ставил задачу, проверял готовность командиров и начальников служб к действиям в различных ситуациях. В заключение традиционно выступал начальник особого отдела, инструктируя присутствующих и акцентируя их внимание на определенных нюансах и на взаимодействии с оперативным составом.

Как-то афганские войска в Южном Панджшере проводили операцию против скопления бандформирований. 103-я дивизия осуществляла огневую поддержку – обрабатывала «зеленку» в районе Чарикарской долины.

На боевых выходах оперативные работники постоянно находились вместе с личным составом: жили, спали, воевали. И выкладка у них была точно такая же, как у обыкновенных солдат. Несут бойцы за плечами килограмм пятьдесят, значит, и у оперов не меньше. Трудно – а кому на войне легко?

Во время боя Кошуба лично решил проверить, как обстоят дела на передовой линии. Обнаружив ряд недостатков в работе своих подчиненных, вне себя от ярости полковник возвращался на командный пункт. Тем временем ситуация коренным образом изменилась: очередная волна афганского войска пошла в откат к нашим позициям, а «духи», воодушевленные этим отступлением, стали щедро поливать их вслед огнем из всего, что только имелось под рукой. Бесперывная пулеметная и автоматная канонада загнала всех за броню. Один Кошуба злой, как карамышевский черт, продолжал идти, не обращая ни малейшего внимания на обстрел.

– Товарищ полковник, ложись!!!

Пронзительный крик вернул его к реальности. Он замер на месте, и в это самое мгновение несколько пуль подняли фонтанчики желтой пыли прямо у его ног.

Случайность? Судьба! И на этом выходе у Кошубы с ней были свои счеты.

Буквально на следующий день после очередной смены позиций он собрал оперативный состав на совещание. «Заседали» прямо под открытым небом, что называется, по-походному, без излишеств. Провел инструктаж, довел задачи, скорректировал планы. Стали расходиться. Не успели пройти и ста метров, как раздался пронзительный свист, и в то самое место, где только что все стояли, лег реактивный снаряд. Самое что ни на есть прямое попадание...

Параллельно боевым действиям советские военнослужащие в Афганистане занимались и сугубо мирными делами: строили дороги, благоустраивали населенные пункты и т.п. Однажды колонна грузовиков выехала из Кабула в район водохранилища Карча за песком для строительных нужд. Как получилось, что из тридцати двух человек был вооружен только один прапорщик, сегодня трудно судить. Но факт остается фактом – все остальные водители и старшие машин оружия при себе не имели. Сбившись с пути, они стали уточнять дорогу у повстречавшегося им дехканина. Он приветливо улыбался и, размахивая руками, старался объяснить нужное направление как можно подробнее, но, как только колонна растворилась в клубах дорожной пыли, тут же по рации, спрятанной за придорожным камнем, доложил одной из банд, орудовавшей в этом районе, о советских «Уралах». Улыбчивый «доброжелатель» оказался душманским наводчиком. Больше ребят живыми никто не видел...

103-я гвардейская дивизия в тот же день была поднята по тревоге. Сутки напролет десантники носились по горам и лесам в поисках пропавших военнослужащих. Без сна, без усталости. Только на пятый день им удалось найти тех, кого они искали... Точнее то, что от них осталось. Изуродованные расчлененные останки человеческих тел, припорошенные густой тягучей пылью, были разбросаны по сухой каменистой земле. Жара и время уже начали делать свое дело, но то, что сотворили люди, не поддается никакому описанию!.. Пустые глазницы выколотых глаз, уставившихся в равнодушное небо, вспоротые и выпотрошенные животы, отрезанные гениталии... Даже у повидавших многое на этой войне и считавших себя непробиваемыми мужиков сдавали нервы...

Спустя какое-то время наши разведчики получили информацию о том, что после того как ребят захватили, душманы несколько дней водили их связанными по кишлакам, и мирные жители с неистовой яростью пыряли ножами беззащитных, обезумевших от ужаса мальчишек. Мужчины и женщины, старые и молодые... утолив кровавую жажду, толпа охваченных чувством животной ненависти и страха за свою жизнь людей забросала полуживые тела камнями. А когда каменный дождь повалил их с ног, за дело взялись вооруженные кинжалами душманы...

Столь чудовищные подробности этой трагедии стали известны от непосредственного участника той бойни, захваченного во время проведения очередной операции. Спокойно глядя присутствующим советским офицерам в глаза, он подробно, смакуя каждую деталь, рассказывал об издевательствах, которым подвергались безоружные мальчишки. Невооруженным взглядом было видно, что в тот момент пленный получал особое удовольствие как от самих воспоминаний о пытках, которые выпали на долю наших ребят, так и от бессильной злобы тех, кто его слушал.

Руки полковника Кошуба, присутствовавшего на этой чудовищной исповеди, непроизвольно сжимались с такой силой, что пальцы сводило от боли. Стиснув зубы, он собрал всю свою волю, чтобы не кинуться на сидящего перед ним человека. И в своих чувствах он был не одинок. Желваки играли на скулах советских офицеров. Кровь закипала в жилах. Но никто не сорвался. Никто не поддавался на явную провокацию. Напоследок, прежде чем покинуть помещение в сопровождении присутствовавших здесь же хадовцев, пленный с вызовом бросил испепеляющим его глазами «шурави»: «Запомните, пока вы здесь, – мы вас убивали, убиваем и будем убивать беспощадно!»

Неудивительно, что после того, как наши солдаты видели подобные зверства, места состраданию к душманам в их душе не оставалось. На смену ему приходила жажда мести. Над

пленными духами издевались «кто во что горазд». До столь изощренных пыток дело, конечно, не доходило, но бить – били. По-нашему, по-славянски, с душой...Это война...Страшно, да только из песни слов не выкинешь. Всегда, во все времена жестокость порождала еще большую жестокость, насилие порождало насилие. Ничего нового – все старо как мир.

Контрразведчики и командование всеми силами старались предотвращать подобные всплески самосуда, да разве за всеми уследишь...Большинство задержанных через определенное время начинали на чистом русском языке кричать: «Слава ВДВ!» каким способами стимулировали их лингвистические способности, судить не буду. Все понимали, что не уговорами. Но уличить в конкретных злоупотреблениях не могли.

Как-то во время проведения очередной операции десантники захватили одного пленного. Жалкий, худой, в оборванном грязном халате. Глазки испуганно бегают из-под пыльной, наехавшей на лоб чалмы. Так как специально оборудованных помещений для содержания заключенных на боевых выходах не было предусмотрено, посадили в яму. Били его солдаты по-черному, тихо, чтобы начальство не видело.

Кашуба забрал его себе в кунг; дал умыться, накормил, напоил. Дух ему все и выложил, что знал: из какой банды, ее численный состав, вооружение, задачи. Все это задокументировали, пленного же посадили в БТР и отвезли в один из отделов ХАДа.

Псевдоним «Патриот» молодой красивый офицер Генерального штаба Афганистана получил за свои убеждения. Он искренне верил, что Советский Союз является той единственной силой, которая способна помочь афганскому народу построить новую счастливую жизнь. Коммунистическими идеями «Патриот» проникся во время учебы в Советском Союзе и связь с советскими контрразведчиками воспринимал исключительно как благое дело.

По роду службы он много ездил по афганским заставам, расположенным вокруг Кабула, контактировал с множеством самых разнообразных людей и, как следствие, располагал важной информацией.

От него особисты черпали ценные характеристики бандформирований: что за банда, чем занимается, где находится, кто главарь и где его ахиллесова пята. На основании этой информации проводились мероприятия по зачистке территории, наносились упреждающие ракетно-бомбовые удары.

Помимо этого «Патриот» приносил сведения об удерживаемых в плену советских военнослужащих. Опираясь на эти данные, строили работу по их освобождению: кого-то можно было обменять, кого-то отдавали за деньги, кого-то удерживали непримиримые бандформирования – тогда договориться было гораздо труднее.

От него же поступала информация и в отношении предателей. Именно «Патриот» дал сведения о местонахождении начальника разведки одной из дивизий Попова. Во время боевых действий он добровольно перешел на сторону противника и стал сподвижником «Панджшерского льва» – Ахмад Шаха Масуда. Благодаря «Патриоту», контрразведчики получили возможность отслеживать все перемещения перебежчика. Правда, захватить его так и не удалось.

Особый интерес представляло то, что новый афганский друг продолжал поддерживать связь со своими дальними родственниками, занимавшими ранее высокие государственные посты в Афганистане, а ныне находившимися в эмиграции. Контрразведчики были уверены, что через них на «Патриота» постараются выйти пакистанские спецслужбы. И в своих расчетах они не

ошиблись. Когда родственники в очередной раз приехали в гости, он как бы случайно обронил в их присутствии заранее подготовленную информацию. На наживку клюнули, и спустя некоторое время из Пакистана прибыл вербовщик, которого тут же окружили пристальным вниманием – в Исламабад начали поступать составленные советскими контрразведчиками донесения...

Кошуба и его сотрудники провели большой комплекс мероприятий. Работали, как правило, по ночам, несмотря на то, что выход в город в ночное время суток был категорически запрещен абсолютно всем, включая и сотрудников особых отделов. Но ради своевременного получения важной информации им не раз приходилось выходить за рамки всех существующих инструкций.

Встречались в основном в «УАЗике», пользуясь тем, что транспорт особого отдела практически никогда не досматривался. Подбирали «Патриота» в условленном месте и, не выходя из машины, проводили встречу.

Все шло плодотворно и гладко вплоть до самого вывода. Когда же советским войскам пришло время возвращаться домой, работу с агентами потихоньку начали сворачивать.

...К сожалению, дальнейшая его судьба «Патриота» сложилась очень трагично. После ухода советских войск его арестовали сотрудники ХАДа за связь... с советским командованием. Таковы были реалии новых веяний.

Спецслужба, которая на протяжении десяти лет играла с нами в одни ворота, расценила вывод советских войск не иначе как предательство. Люди оказались брошенными на произвол судьбы – в сложившейся ситуации они выживали, не церемонясь ни в средствах, ни в методах.

В тюрьме «Патриота» подвергли пыткам. Чего именно хотели от него добиться, так и осталось невыясненным. Возможно, намеревались использовать в целях компрометации деятельности советских спецслужб... Спустя полгода после возвращения в Союз служебные дороги вновь занесли Кошуба в Кабул, где он пробыл неделю. Все это время контрразведчик пытался навести справки о судьбе человека, которого очень уважал. Выходил на телефонную связь, кружил по ночному городу, объезжая все места, в которых тот мог находиться. Все усилия оказались тщетными. «Патриот» как в воду канул. От представителей компетентных органов при посольстве ему удалось узнать только то, что «Патриоту» помогли выбраться из тюремных застенков, однако связь с ним была утеряна.

До сих пор сердце Виктора Александровича сжимается при воспоминании об его участии. Часть ответственности за произошедшее он взял на себя. Только жить от этого стало не легче. Скорее, наоборот.

Что винить себя, если ни тогда, ни сейчас нельзя ничего исправить. Он – офицер. Его долг – выполнять приказ. И полковник Кошуба его выполнил до конца.

Два года пролетели незаметно. Летом 1988-го Виктор Александрович ждал замены. Однако наверху молчали. Пытаясь прояснить ситуацию, он подошел к начальнику особого отдела армии.

– Руководство Главка обращается к вам с просьбой продлить ваше пребывание в Афганистане на некоторое время. Не сегодня-завтра начнется вывод войск. Новый человек не успеет овладеть ситуацией, а вы ее знаете как никто, – сказал Черемикин.

– Есть, – привычно ответил Кошуба и вышел из кабинета.

Главной задачей военной контрразведки на завершающем этапе войны было обеспечение безопасности вывода личного состава и техники.

Наконец дошла очередь до вывода 103-й дивизии. Документация отдела и большинство сотрудников были отправлены в Союз самолетом. Сам же начальник особого отдела решил уходить вместе со всеми. Части и подразделения покидали афганскую землю колоннами. Буквально накануне убытия последней из них от «Патриота» поступила информация, что в районе Чарикарской долины происходит концентрация бандформирований, которые собираются напасть на десантников, дабы рассчитаться за все причиненные в течение десяти последних лет «неудобства».

Для того чтобы сбить душманов с толку, решили выйти на два часа раньше.

Ночь 3 февраля. Кромешная тьма. Луны нет, только безумная россыпь пламенеющих звезд, щедро заполонивших небо. Сдавленную тишину разорвал зычный рев пробудившихся моторов. Колонна техники медленно выползала из расположения дивизии. Десантники уходили в свой последний по афганской земле марш. Позади остались долгие годы чужой войны. Впереди их ждала Родина, изменившаяся за два последних года до неузнаваемости. Вот и Чарикарская долина. Пока все шло без эксцессов. Неожиданно двигатель БТРа, в котором ехал Кошуба, начал барахлить. Предчувствуя неладное, механик-водитель принял в сторону, чтобы не мешать движению остальных. Буквально сразу после этого машина заглохла окончательно и замерла на месте.

– Все, приехали!.. Двигок перегрелся... – констатировал он факт.

«Как раз здесь «духи» и собирались устроить засаду», – пронеслось в голове у Кошуба. Мимо, скрежеща тяжелыми гусеницами, шла колонна. Задерживать движение было нельзя. Наконец последняя машина, рыча двигателем, пронеслась мимо, и они остались втроем: Кошуба, механик-водитель и оператор.

Одни среди чернеющей чарикарской пустоты.

– Ну, что... надо ждать техническое замыкание, – спокойным ровным голосом сказал полковник, как будто речь шла о рядовой поломке во время учений, хотя сам прекрасно понимал, что оно сможет подойти не раньше чем через полтора-два часа. – Я залягу с одной стороны, ты, – обратился он к оператору, – направляй пулемет в другую сторону, а ты постарайся что-нибудь придумать.

Последние его слова были обращены к механику-водителю.

– Так темно же, товарищ полковник... – начал было тот.

– А ты попробуй. Сейчас от тебя очень многое зависит.

Его спокойствие передалось бойцам. Каждый занял свою позицию. Время тянулось мучительно долго, казалось, что прошла вечность. На самом деле минутная стрелка сползла только на пятнадцать минут.

– Ну что же он там копается, – думал Кошуба, лежа на остывающей броне. – Давай, сынок, выручай. Того и гляди «духи» пожаловать могут.

Мысли то путались и сбивались в кучу, то снова выстраивались в стройную цепочку. Ему вдруг стало зябко. Ночи в горах холодные. Даже воздух другой. Он посмотрел вверх. В небе все так же горели звезды. Только теперь они казались ему еще пламеннее, а небо еще чернее.

Механик, то кряхтя, то смачно матерясь выломал жалюзи, перекрывавшие в двигатель доступ воздуха.

Прошло еще минут десять. Двигатель остыл, машина наконец завелась, тронулась с места и бросилась вдогонку ушедшей колонне.

Сказать, что дорога домой была трудной, значит не сказать ничего. Казалось, сама природа, предчувствуя новый всплеск кровавой вакханалии, восстала против ухода советских войск с этой многострадальной земли. Обильный снег, порывистый, срывающийся в штормовой ветер, не предвещал ничего хорошего тем, кто отважился преодолеть Саланг, ставший для «шурави» последним афганским испытанием. Непогода неистовствовала, как будто все мусульманские дьяволы устроили свой шабаш в этом проклятом и богом и людьми месте.

...Новенький БТР-80 с трудом карабкался вверх. На броне сидел полковник Кошуба. Сквозь потрескивания радиозфира до него периодически долетала информация как об обстановке в самой колонне, так и о ситуации на Саланге в целом.

За последние восемь часов колонна смогла подняться только на третью галерею. Вдруг послышался характерный шум сходящей лавины. Подняв голову, полковник с ужасом увидел, что стихия несется прямо на них.

– Принять вправо и увеличить скорость, – что было сил крикнул он механику-водителю, машинально наклонившись к нему.

Однако тот, не расслышав команду, водитель, желая уточнить, что именно ему надо делать, резко открыл люк и вlepил со всей дури бронированной дверцей по голове не ожидавшего такого подвоха офицера. На какое-то мгновение Кошуба потерял сознание. Пришел в себя, когда весь транспорт отдела преодолел опасный участок. Весь удар стихии пришелся на «Урал», шедший сразу за ними. Словно спичечная коробка, многотонная машина в считанные минуты была сброшена на первую галерею. Мокрый снег настолько впредессовал тела двух погибших военнослужащих в кабину, что их с большим трудом смогли выковырять только штык-ножами. Афганская война догнала уверовавших в свое спасение ребят исподтишка. Подло и коварно она, накрыв свои жертвы леденящим языком снежного потока, уволокла их в свое ненасытное чрево. А дом был так близок, и им так хотелось жить!.. Полковник Кошуба в своей колонне покидал «Афган» последним. Низкие тучи, похожие на сгустившийся туман, заволокли кудлатое серое небо. Резкий ветер больно хлестал его по лицу. Спокойным твердым шагом он пересекал пограничный мост. Он уходил из страны, в которой прожил последние тридцать два месяца. Тридцать два... Много это или мало, может до конца осознать только тот, кто прожил в чужом, так и не понятом до конца нашим славянским умом мире хотя бы день...

Там, за этим мостом, оставалась часть его яркой и насыщенной жизни. Тот, кто не прошел через все круги той войны, кто не жил вдали от семьи, не терял боевых друзей, не смотрел в молчаливом бессилии на сгоревший экипаж советского вертолета, кто не видел отрезанные куски человеческой плоти, вряд ли может понять, что ему довелось там испытать. Было трудно, но несмотря ни на что, это были самые яркие, самые интересные годы оперативной деятельности. Он все время хотел проверить себя. Проверка оказалась стопроцентной. Он выдержал ее с честью. В первую очередь – перед самим собой, перед теми, с кем служил, с кем воевал. Впереди у него было еще много новых должностей, разочарований и открытий. Но того, что Кошуба пережил в Афганистане, он не испытывал больше нигде и никогда!

Л. Кучерова